

К. И. Зубков

**РАННЯЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ:
ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

doi: 10.30759/1728-9718-2020-1(66)-130-139

УДК 94(470.5+57)''15/17''

ББК 63.3(2)51

В статье дается политико-экономический анализ особенностей аграрной колонизации восточных регионов России в конце XVI — начале XVIII вв. — на этапе, когда экономической доминантой государственной стратегии освоения Урала и Сибири являлась добыча пушнины. За отправную концептуальную посылку анализа взята концепция С. В. Бахрушина, выделяющая в едином процессе освоения восточных регионов России ресурсно-функциональные приоритеты, которые на определенных этапах составляли основную стратегическую линию колонизации. Вспомогательная роль аграрной колонизации в этой стратегии не отменяет, однако, того факта, что на ранних стадиях освоения восточных регионов их прочному заселению и созданию в них широкого фундамента самодостаточного и органичного хозяйственного развития в максимальной степени способствовала именно аграрная, крестьянская колонизация. В статье доказывается, что последняя, выступая наиболее перспективной составляющей колонизационного процесса, имела в течение XVII в. сильнейшие демографические и геополитические ограничители, что обуславливало общую нехватку людских ресурсов, недостаточную устойчивость аграрного производства и проявлялось в трудностях перехода восточных окраин государства на самообеспечение хлебом. Другим фактором, ведущим к замедленному, прерывистому, очаговому процессу заселения и освоения Урала и Сибири, являлась противоречивая и непоследовательная правительственная политика, которая, исходя из своих целевых приоритетов, проводила в жизнь так называемый минималистский подход и постепенно переходила к принудительным методам колонизации. Эти особенности позволяют говорить о ранней колонизации Урала и Сибири как особой институционально-экономической модели фронтального развития.

Ключевые слова: *освоение, фронт, Россия, Урал, Сибирь, аграрная колонизация, пушной промысел, пашенные крестьяне, государственный хлебный запас*

Известная, принадлежащая В. О. Ключевскому характеристика колонизации как «основного факта» русской истории и как во многом еще продолжающегося процесса¹ заставляет с особым вниманием отнестись к политико-экономической оценке этого явления на каждом из этапов исторического развития. Проблема заключается в том, что поступательным, непрерывно прогрессирующим процессом хозяйственного освоения новых территорий русская колонизация видится лишь по своему укрупненному историческому итогу и таковой (в максимально широком понимании) она часто была представлена в крупных обзорных трудах.² При изучении же конкретного хода колонизации в разных региональных направлениях она предстает волнообразным (т. е. знаю-

щим периоды подъема и спада), периодически возобновляемым и на каждом этапе далеко не завершённым процессом. К числу дифференцирующих и изменяющихся с течением времени характеристик колонизации можно также отнести неравномерный охват ею отдельных местностей, далеко не одинаковый состав вовлекаемых в освоение ресурсов и, соответственно, определяющих ее видов и отраслей экономической деятельности.

На рубеже XIX–XX вв., на пике массовых аграрных переселений на восток России, когда актуализировался и приобрел теоретический смысл вопрос о том, какие экономические силы создают настоящий эффект регионального развития, этому широкому пониманию колонизации стало противопоставляться ее более узкое значение, фокусирующееся не столько на общем процессе экономической эксплуатации колоний, сколько на тех его компонентах, которые в наибольшей степени способствуют их прочному заселению и созданию в них широкого фундамента самодостаточного и органично растущего хозяйства, максимально «уравнивая» при этом центр и окраины

¹ Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М., 1987. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1. С. 50.

² См., напр.: Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996.

в социально-культурном отношении. Таким фундаментом виделась прежде всего аграрная, крестьянская колонизация, а ее политико-экономическим стержнем — земельная политика.³ Сама эта констатация не может считаться большим открытием: в России именно аграрная колонизация в течение веков являлась если не единственным, то, безусловно, определяющим способом хозяйственного освоения и заселения ее расширяющейся территории. Симптоматично, что и В. О. Ключевский, характеризуя русскую колонизацию, говорил прежде всего о крестьянских переселениях.⁴ Новым моментом для начала XX в. была, пожалуй, сама возможность взглянуть на аграрную колонизацию под несколько иным углом зрения, выделяя ее в общем ходе освоения новых территорий как самостоятельный, наиболее перспективный и — в тени других экономических процессов — часто недооцениваемый компонент колонизационного движения.

В приложении к истории освоения Урала и Сибири до середины XIX в. этот взгляд своеобразно отразила концепция С. В. Бахрушина,⁵ которая констатирует сильнейшую зависимость освоения Урала и Сибири от смены ресурсных приоритетов государственной политики. Выделяя экономические доминанты, которые подчиняли эксплуатацию природных богатств Урала и Сибири удовлетворению стратегической потребности государства в определенных ресурсах и статьях доходов, часто низводя аграрный компонент колонизации до второстепенной, вспомогательной функции, историк отнес эту закономерность по крайней мере к двум первым этапам освоения: промысловому, связанному с добычей пушнины (конец XVI — середина XVIII вв.), и горнозаводскому, сфокусированному на производстве металлов (начало XVIII — середина XIX вв.). По мнению С. В. Бахрушина, аграрная колонизация Урала и Сибири, длительное время развивавшаяся под гнетом этих ресурсных приоритетов и существенно ограничиваемая ими, получает самостоятельное значение и импульсы к расширению только на рубеже XVIII–XIX вв., когда на горизонте политики вырисовывается фундаментальная проблема недоиспользования главного ресур-

са восточных окраин — их огромных земельных просторов. Именно с этого времени, по мысли историка, в освоении востока страны намечается важный перелом, который, вероятно, впервые сообщает понятию «колонизация» его настоящий и полновесный смысл, подразумевающий не только эксплуатацию природных богатств территории, но также широкое и прочное водворение на ней производительного населения. К этому можно добавить и то, что отождествление понятия «колонизация» с аграрным освоением уместно еще и в том отношении, что именно последнее образует целостную непрерывную линию преемственности, соединяющую разные исторические этапы освоения Урала и Сибири, обеспечивая базисные условия для развертывания всех других видов экономической деятельности. В советской историографии идею С. В. Бахрушина об определяющей роли аграрного освоения в закреплении результатов колонизации Сибири позднее детально развил на конкретном материале его ученик В. И. Шунков — уже в рамках марксистского тезиса о ведущей роли трудящихся масс в истории.⁶

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы, отталкиваясь от концепции С. В. Бахрушина, определить роль и значение аграрной колонизации в той политико-экономической системе, которая сложилась на раннем этапе освоения Урала и Сибири (XVII — начало XVIII вв.), т. е. до начала горнозаводской колонизационной волны, а также структуру социально-экономических интересов и мотиваций, влиявших на ее динамику. Важность такого анализа объясняется тем, что если начавшиеся с 1880-х гг. массовые крестьянские переселения на восток Российской империи по основным социально-экономическим характеристикам максимально приближаются к хорошо изученной политико-экономической модели американского фронта, то аграрная колонизация предшествующих этапов несла на себе печать той модели фронтности, которая отличалась значительным институционально-экономическим своеобразием и еще далека от однозначных оценок.

Первая волна колонизации, связанная с пушной «лихорадкой» XVII в. и отчасти еще продолжавшаяся в XVIII в., сделала Россию обладательницей обширных пространств северо-восточной Евразии. Однако преходящий

³ См.: Гинс Г. К. Переселение и колонизация // Вопросы колонизации: период. сб. 1913. № 13. С. 40, 41.

⁴ См.: Ключевский В. О. Указ. соч. С. 49–53.

⁵ См.: Бахрушин С. В. Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX века // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Пг., 1922. Вып. 2. С. 18–79.

⁶ См.: Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII веков. М.; Л., 1946; Он же. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М., 1956.

характер этого экспансионистского рывка, осуществленного ничтожными людскими силами (небольшими партиями промышленников и служилых людей) и при этом достигшего побережий Ледовитого и Тихого океанов, быстро — соответственно скорости истощения пушных богатств — превращал эти пространства в экономическую пустыню. Расцвет и упадок заполярной «златокипящей» Мангазеи может служить метафорой неустойчивого, поверхностного и конъюнктурного характера этой волны колонизации. Свидетельство Г. К. Котошихина, отмечавшего, что вся система переселений в Сибирь и вся организация управления ею были подчинены исключительно обеспечению «прихода» в царскую казну сибирской пушнины,⁷ удивительно перекликается с позднейшей оценкой Ю. А. Гагемейстера, который сводил итоги заселения зауральских территорий в XVII в. к тому минимуму, который требовался «для удержания большого числа укрепленных мест, устроенных на огромном пространстве Сибири», поддержания системы коммуникаций (ямская гоньба) и заведения местной пашни для обеспечения войска и чиновников хлебом.⁸ Последний фактор, несмотря на отводимое ему второстепенное значение, играл в эпопее освоения Урала и Сибири критическую роль: без него вся грандиозная система извлечения пушного «прихода» вообще не могла состояться.

Интересны наблюдения о результатах первой волны колонизации восточных окраин России, сделанные в 1915 г. Б. П. Вейнбергом, который, используя доступный статистический материал, соотнес долговременные тенденции перемещения средневзвешенных центров территории и населения России. За первое столетие со времени воцарения Романовых центр «поверхности» страны, по его исчислениям, переместился на восток примерно на 2 тыс. верст с некоторым уклоном к северу (т. е. к главным ареалам пушного промысла), в то время как центр населения сместился на восток менее чем на 100 верст, склоняясь при этом к югу гораздо больше, чем в восточном направлении. Это, по мнению ученого, показывало, что за рассматриваемое столетие территория страны на востоке «присоединяется как бы про запас на несколько столетий

вперед», в то время как стихийное движение населения постоянно тяготеет к югу — в те наиболее пригодные для земледелия части приобретенных территорий, за счет которых должно было происходить закрепление результатов русской колонизации.⁹

Между тем, устройство «сибирской пашни», которое, по мнению И. В. Щеглова, и могло единственно претендовать в XVII в. на подобие «настоящей колонизации»,¹⁰ происходило медленно, неравномерно, отдельными всплесками, так и не приобретая значения самостоятельной и массовой экономической тенденции — хотя предпосылки для этого существовали.

Оснований для устойчивого перелива из Европейской России крестьянского населения, стремившегося к привольному житию на окраинах, было достаточно — особенно в связи со смутами в государстве, усилением крепостного гнета, религиозным расколом, фискальными тяготами и рекрутскими наборами при Петре I. П. Андерсон видит в начавшемся в последней трети XVI в. и уже затем не прекращавшемся оттоке населения Московии на окраины объективный, слабо контролируемый властью результат миграционного градиента, который был вызван, с одной стороны, ростом общего неурядства в центре страны (налоговый гнет, неурожай, эпидемии, опричнина, разорения в ходе внешних интервенций), а с другой — счастливым обретением резерва «обширных и невозделанных просторов» на севере, востоке и позднее на юге.¹¹ Эта «разность потенциалов», несмотря на все препятствия, на длительное время сообщала вольным переселениям в Сибирь если не особенно мощную, то непрерывную и неуничтожимую социальную подпитку. Помимо этого, повышенной подвижности населения способствовал и другой, сформировавшийся в течение веков и приобретший характер инерции фактор, коренящийся в самих свойствах природно-географической среды севера Русской равнины. Хозяйственный опыт русского крестьянина

⁷ См.: Московия и Европа. М., 2000. С. 84.

⁸ См.: Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири, составленное по Высочайшему Его Императорского Величества повелению, при Сибирском комитете. СПб., 1854. Ч. 2. С. 50.

⁹ См.: Вейнберг Б. П. Положения центра населенности России с 1613 по 1913 г. // Изв. Импер. Рус. Геогр. об-ва. 1915. Т. 51. С. 403.

¹⁰ Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших дат из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут, 1993. С. 46.

¹¹ См.: Андерсон П. Родословная абсолютистского государства. М., 2010. С. 309, 310, 313. Этот вывод англо-американского историка перекликается с данным С. Ф. Платоновым описанием хозяйственного кризиса 1570–1580-х гг. в Московском государстве, ставшего «пусковым механизмом» массового оттока населения из центра страны на окраины. См.: Платонов С. Ф. Иван Грозный. Пг., 1923. С. 138–144.

в главных чертах сформировался на неплодородных, суглинистых, быстро истощаемых почвах покрытого лесами и болотами великорусского центра, а впоследствии в еще более суровых условиях Русского Севера и Приуралья (куда долгое время шло расширение ареала аграрного освоения). Это естественным образом обуславливало перевес экстенсивных, связанных с переселениями способов хозяйствования, как более экономичных в части материальных и трудовых затрат, над интенсивными, связанными с улучшениями агротехники на старых, выработанных землях. В. О. Ключевский отмечал, что обнаруживаемый у истоков истории дуализм присваивающего и производящего хозяйств своеобразно преломился в аграрном развитии России именно в виде колонизации, породив к тому же и особый тип освоения новых территорий, при котором население «распространялось по равнине не постепенно путем нарождения, не *расселяясь*, а *переселяясь*, переносилось птичьими перелетами из края в край, покидая насиженные места и садясь на новые».¹² С этой точки зрения, по сходству природных условий и вырабатываемых под их влиянием приемов хозяйствования аграрное освоение великорусского центра, а затем и Русского Севера нашло в колонизации Урала и Сибири свое естественное продолжение. (Неслучайно в первые десятилетия освоения Сибири именно Поморье служило его основной социально-территориальной базой.)

Тем не менее, эффект вольно-народной колонизации зауральских земель для первых десятилетий XVII в. нельзя переоценивать. Можно предполагать, что поначалу переселение крепкого в хозяйственном отношении крестьянина в дикий, неосвоенный край не всегда являлось привлекательной перспективой. Например, когда в 1590 г. царским указом сольвычегодских посадских людей и крестьян в порядке повинности обязали выделить из своей среды первые 30 «пашенных» семей для отправки в Сибирь, жители Сольвычегодска постарались снабдить их на дорогу таким количеством скота, инвентаря, хлеба (с расчетом на целый год) и подъемных денег (по 110 руб. на семью), что это ясно говорило о том, насколько трудной и незавидной виделась участь будущих переселенцев.¹³ Эта практика принудительного «прибора» переселенцев в виде

повинности, исполняемой по «посошной» раскладке, сохранялась в уездах Поморья и позднее. В Верхотурье в 1623 г. упоминаются пашенные крестьяне-«переведенцы», присланные из Казани, по-видимому, в этом же порядке.¹⁴ Попытки же «прибирать» добровольных переселенцев в Сибирь с помощью специально посылаемых агентов правительства в поморских уездах и Перми Великой вплоть до 1630-х гг. зачастую заканчивались неудачей.¹⁵ Так, в 1609 г. попытка «прибрать» на пашню в Пелымский уезд, в Таборинскую слободу, всего лишь «человек пятьдесят или сто» закончилась полным провалом (вызвалось лишь четверо добровольцев).¹⁶

Струя стихийной вольно-народной колонизации, шедшей на восточные окраины помимо мероприятий правительства, усиливалась по мере того, как распространялись слухи о земельном богатстве вновь открытого края, и тогда уже стремление к переселению в Сибирь, по-видимому, приобрело черты массового поветрия. Временами исход на новые земли поражал целые местности. Так, в 1686 г. в Поморье, в прилежащих к Белому морю волостях, за счет самовольного оттока крестьянского населения на Дон и в Сибирь исчезло две трети из общего числа в 71 тыс. дворов.¹⁷ Эти данные очень точно соотносятся с сообщениями о непрекращающемся массовом движении беглых крестьян с женами и детьми «из Поморских городов» в Сибирь в течение ряда лет (1680, 1681, 1682, 1683 гг.), предшествовавших введению запрета на самовольные переходы за Урал царской грамотой от 24 июня 1683 г.¹⁸ Судя по позднейшим документам (в частности, царской грамоте, верхотурскому воеводе Г. Нарышкину от 28 ноября 1687 г.), правительственный запрет не изменил ситуацию коренным образом, поскольку власти по-прежнему сетовали на то, что «из Поморских городов бегут всяких чинов жители и уездные пашенные крестьяне в розные Сибирские города».¹⁹ Однако правительственная политика, по крайней мере, в одном отношении влияла на колонизационный поток: объявляя

¹² Ключевский В. О. Указ. соч. С. 50, 88.

¹³ См.: Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб., 1900. С. 16.

¹⁴ См.: Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией (далее — АИ). Т. 3: 1613–1645. СПб., 1841. С. 187.

¹⁵ См.: Колонизация Сибири... С. 17.

¹⁶ Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889. С. 218.

¹⁷ См.: Гегемейстер Ю. А. Указ. соч. С. 52.

¹⁸ См.: Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 2. С. 551.

¹⁹ АИ. СПб., 1842. Т. 5: 1676–1700. С. 276.

самовольные переходы в Сибирь вне закона, направляя воеводам распоряжения о сыске и возвращении беглых, правительство придавало переселению до известной степени маргинальный характер, обуславливая преобладание в его составе довольно пестрых, социально разнородных, случайных элементов. Вопрос о том, какими социальными элементами был представлен вольно-народный компонент аграрной колонизации, до сих пор недостаточно ясен. С. В. Бахрушин к числу безусловных, но немногочисленных категорий добровольных переселенцев относил, например, «гулящих» промышленников, часть которых в условиях затухающей пушной «лихорадки» оседала на земле, устраивая займки и призывая в них разных «охочих людей», а также предприимчивых частных «слободчиков» (как правило, выходцев из Поморья), которые, организуя слободы и призывая в них людей, часто действовали с согласия и по поручению властей.²⁰ П. Н. Буцинский как на важный источник свободных переселений в Сибирь указывал также на движение крестьянских семей за своими родственниками, ранее отправленными туда по «прибору».²¹ Документы эпохи крайне скупо и неопределенно характеризуют тот контингент, который призывался правительством на вольной основе и чаще всего на льготных условиях («из подмоги и на лготу») на «государеву пашню», т. е. получал право вести собственное хозяйство за отработочную ренту. Помимо повсеместно упоминаемых в источниках «гулящих людей», в царской грамоте верхотурским воеводам от 17 августа 1623 г. в качестве таковых упоминаются, например, «всякие охочие вольные люди», «охочие крестьяне», «захребетники и половники» (т. е. посаженные на землю срочно-зависимые люди, принадлежавшие служилым людям или монастырям). При этом, что примечательно, «новоприборный» контингент на «государеву пашню» предполагалось призывать уже не в местах выхода, а из находящихся на месте и обязательно нетяглых «охочих людей» («на Верхотурье, на торгу, кликати биричю не по один день»)²² А. А. Преображенский, детально исследуя вопрос о «гулящих», существенно расширяет социальный спектр этой категории лиц с неопределенно-переходным сословным статусом, но из обилия фрагментарных данных ясной

картины все-таки не складывается. Кроме того, как это следует из анализа грамоты, посланной в 1609 г. в Пермь Великую,²³ историк не всегда оправданно включает в состав «гулящих» лиц людей, «прибираемых» в местах выхода «не с тягла», под «крепкие поруки с записми»,²⁴ с чем трудно согласиться. Следует также учесть контекст царских грамот и наказов, направляемых сибирским воеводам, в которых звучат либо порицания за «нераденье» в «назывании» крестьян на «государеву пашню»,²⁵ либо настойчивые требования «прибавити» ее размер за счет увеличения норм отработки для уже имеющихся пашенных крестьян (т. е. не призывая «гулящих»)²⁶ Из этого контекста складывается впечатление, что, во-первых, таких «гулящих» и «охочих» людей, готовых обрести новый социальный статус, а тем более — сесть на пашню на тягло, на месте было не особенно много и, во-вторых, что правительство вполне отдавало себе отчет в подлинном происхождении этого контингента лиц. Скорее всего, используемое в документах обозначение — «гулящие» и «охочие» люди — маскировало по большей части все тот же разношерстный элемент: беглых крестьян и других тяглецов, холопов, бросивших своих владельцев, разного рода скрывающихся преступников и т. п. По сути, это были, говоря современным языком, «несистемные» элементы закрепощающегося русского общества. Вероятнее всего, за исключением небольших партий крестьян, переводимых правительством из других частей страны, и лиц свободного состояния, основная масса пашенных крестьян, ставших необходимым компонентом социально-сословной структуры сибирского фронта, складывалась из стекавшихся в сибирские уезды беглых. По крайней мере, такой вывод подсказывает сама логика управленческой ситуации: поставленные перед необходимостью любыми способами выполнять «сверхзадачу» московского правительства — «на служилых людей, и на ружников, и на оброчников,²⁷ годовое хлебное жалованье, их оклады, без

²³ См.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии Наук. СПб., 1836. Т. 2. С. 246.

²⁴ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVII — начале XVIII в. М., 1972. С. 101, 102.

²⁵ АИ. Т. 3. С. 186, 187.

²⁶ Там же. С. 222, 223.

²⁷ Этой триадой в документах обозначались все категории населения Сибири, получавшие от правительства хлебное и денежное жалованье.

²⁰ См.: Бахрушин С. В. Указ. соч. С. 57.

²¹ См.: Буцинский П. Н. Указ. соч. С. 219.

²² АИ. Т. 3. С. 186.

Московской присылки, хлеба напахати»,²⁸ местные воеводы вынуждены были сажать на «государеву пашню» любых «гулящих» и «охочих» людей (по сути, беглых), закрывая глаза на их происхождение и правовой статус — тем более что за дальностью расстояний и затруднительностью розыска установить это не представлялось возможным. Москва, в свою очередь, также порой сквозь пальцы смотрела на эту, по сути, нелегальную практику рекрутирования пашенных крестьян, поскольку стремилась форсировать решение проблемы снабжения своего пушного «цеха» хлебом. П. Н. Буцинский в свое время считал, что если рассуждать методом исключения, то анализ объективных условий заселения Сибири делает такое предположение более чем вероятным.²⁹ На это же прямо указывают и некоторые нюансы документов, характеризующих позицию правительства. Даже из «драконовского» по смыслу указа 1683 г. о запрете на самовольные (т. е. без «проезжих грамот») крестьянские переходы в Сибирь следует, что правительство в этом случае было больше озабочено не столько самим перетоком тяглого населения в Сибирь, сколько более близорукими фискальными соображениями — тем, что за время таких переходов (по условиям эпохи, весьма долгих), до обустройства на новом месте, «в Нашу Государскую казну с тех крестьян оброков и никаких денежных и хлебных доходов нейдет».³⁰ Но по мере того как политика преследования беглых ужесточалась, уменьшался и приток «гулящих» людей в Сибирь, что нельзя объяснить только истощением пушного промысла.³¹

Характер контингента, который набирался в пашенные крестьяне, неизбежно сказывался на стабильности и эффективности земледельческого освоения, поскольку ввиду имевшегося вокруг земельного простора часть «новоприборных», в особенности из числа непашенных людей или откровенно асоциальных элементов, хозяйствовала нерадиво, бросала пашню и снова пускалась в бега в поисках большей воли и выгоды. В еще большей степени это явление было характерно для непашенных ссыльных, которых правительство принудительно сажало на «государеву пашню». В истории освоения Сибири можно обнаружить рецидивы массового бегства уже как будто

пристроенных к делу людей, которые вспыхивали всякий раз, когда открывались новые перспективы для вольной колонизации. Так, после успешного похода Е. Хабарова на Амур и распространившихся известий о расположенных по его течению богатых хлебобродных землях, в первой половине 1650-х гг. толпы служилых людей и пашенных крестьян «изо всех сибирских городов» (и даже целые «воровские полки» казаков), по донесениям воевод, самовольно устремились «в Дауры», где вскоре скопилось не менее 1500 беглых поселенцев.³² После того как Нерчинский трактат 1689 г. закрыл земли по Амуру для русской земледельческой колонизации, стихия улеглась, и главный вектор землепроходческого движения снова — но уже в виде мелких партий промышленников и казаков — сместился в сторону холодного и пустынного северо-востока. К этой сохранявшейся подвижности земледельческого населения опрометчиво прилагало руку и само правительство, практикуя переводы крестьян уже в пределах Сибири — либо в наказание за преступления, либо обещанием более значительных льгот. При этом общий недостаток людских сил приводил к тому, что старые слободы, откуда переселялись крестьяне, лишаясь рабочих рук, быстро хирели и впадали в недоимки.³³

Только малочисленностью общей массы насельников зауральских земель можно объяснить тот факт, что их земледельческое освоение производилось, по необходимости, не только государевыми пашенными крестьянами, но фактически всеми категориями населения Сибири. Это ясно обнаружилось уже в начале 1620-х гг., когда правительство на местах, охватывая описью все обрабатываемые земли («села, и деревни, и починки, и займища, и пашню паханую и переложную, и всякие уголья»),³⁴ в целях пополнения государственного хлебного запаса приступило к обложению оброком всех земледельческих занятий. В царской грамоте от 28 марта 1622 г. верхотурским воеводам предписывалось со всех категорий населения, фактически занимавшихся обработкой земли («которые ружники и оброчники, попы и дьяконы, подъячие и торговые люди, пашут пашни на себя»), взимать оброк

²⁸ АИ. Т. 3. С. 222.

²⁹ См.: Буцинский П. Н. Указ. соч. С. 217, 218.

³⁰ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 2. С. 551.

³¹ См.: Преображенский А. А. Указ. соч. С. 110.

³² См.: Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967. С. 293.

³³ См.: Колонизация Сибири... С. 23.

³⁴ Категории земель, перечисленные в распоряжении о производстве описи в Верхотурском уезде в 1620 г. См.: АИ. Т. 3. С. 85.

с пахоты, сообразно качеству земли, в следующих размерах: «с доброго хлеба четвертой сноп, а с среднего хлеба пятой сноп, а с худого хлеба шестой сноп». Из обложения, помимо пашенных крестьян, исключались служилые люди и ямские охотники, которые, как явствует из документа, ввиду скудности жалованья и частой в сибирских городах дороговизны хлеба, также в массе своей занимались земледелием.³⁵ Этот порядок оброчного обложения, повсеместно введенный тобольским воеводой Ю. Сулешевым в 1623–1624 гг.,³⁶ однако, со временем ужесточался: как следует из содержания царской грамоты кузнецкому воеводе П. Дубровскому в марте 1681 г., правительство повсеместно прибегало к вычетам собственного «выделного хлеба» служилых людей из их хлебного жалованья, освобождая от таких изъятий только в случае крайней нужды.³⁷ Такая довольно скарденная фискальная стратегия («чтобы из избытых никто не был»), сопровождавшаяся к тому же хроническими невыплатами жалованья служилым людям, не столько разрешала проблему пополнения государственного хлебного запаса, сколько направляла ее по кругу, и могла быть рассчитана только на очень медленный прогресс. (Ввиду особого характера вопроса о том, какую роль в этом прогрессе мог играть извечный, характерный для России дуализм «указной» и «неуказной» экономики,³⁸ мы оставляем эту проблему за рамками анализа.)

Рассматривая этот вопрос в обратной перспективе, а именно определяя, в какой мере правительственная политика поощряла земледельческое освоение окраин, можно встретить известный разброс оценок: в одних случаях отмечается, что размер «государевой пашни» (по трудозатратам эквивалентный примерно 1/5 урожая с отведенной земли) и оброков был в целом необременительным для пашенных крестьян, а с учетом «подмоги», фискальных льгот и ссуд от властей создавал стимулы для достижения зажиточности и расширения производства;³⁹ в других — подчеркивалось, что все виды «подмоги» были явно недостаточны, но зато прочно прикрепляли пашенного крестьянина к новому тяглу

и тем самым сковывали его хозяйственную инициативу.⁴⁰ Какова бы ни была реальная ситуация (которая, скорее всего, варьировалась в зависимости от конкретных условий — «по уговору» и «смотря по пустоте»), следует еще учитывать и то, что сибирский крестьянин в целом был поставлен в тяжелые условия тем, что за недостатком людей в крае он, помимо сельскохозяйственных занятий, привлекался к выполнению массы повинностей — по возведению и ремонту укреплений, заготовке леса и постройке судов, расчистке дорог и перевозке хлеба, а в случае крупных набегов кочевников выступал навстречу врагу вместе со служилым войском, как это было в июле 1693 г. во время набега на Ялуторовскую слободу объединенного войска татар, «Казачьей орды» (казахов) и каракалпаков. Повествуя о завязавшемся сражении, летопись сообщает, что «крестьяны на том бою вси у того Семискуля озера убиени быша».⁴¹

Эти выразительные особенности ранней аграрной колонизации Сибири наглядно показывают, что, несмотря на стремление правительства придать системе извлечения пушного «прихода» более или менее четкую организацию путем прикрепления сословных чинов и разрядов к выполнению отдельных функциональных задач, конкретные условия освоения восточных окраин (малочисленное и редкое население, необжитость территории, слабость коммуникаций, постоянная военная опасность) на каждом шагу заставляли отступать от этих принципов и воспроизводили типичные черты фронта, где каждая человеческая единица выступала одновременно и земледельцем, и строителем, и воином, а изменения сословных состояний становились частыми и относительно легкими. Крайняя нехватка населения порождала особую разновидность фронта, где цели ресурсной эксплуатации и цели широко понимаемого развития территории находились если не в конфликте, то в очень напряженном балансе.

Раннее освоение зауральских земель, вероятно, и не могло быть иным, поскольку имело очень сильные объективные ограничители — прежде всего демографические и геополитические. П. Н. Буцинский, указывая на неуместность сравнения Сибири XVII–XVIII вв.

³⁵ См.: Там же. С. 159, 160.

³⁶ См.: Колонизация Сибири... С. 18.

³⁷ См.: АИ. Т. 5. С. 98–100.

³⁸ Об этом см.: Погребинская В. А. Параллельная экономика в работах российских ученых-экономистов // Историко-экономический альманах. М., 2004. Вып. 1. С. 221–247.

³⁹ См.: Колонизация Сибири... С. 19.

⁴⁰ См.: Копылов А. Н. Государевы пашенные крестьяне Енисейского уезда в XVII в. // Сибирь XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1962. С. 41.

⁴¹ Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. М., 1987. С. 287.

с европейскими колониями в Америке, подчеркивал, что медленные темпы заселения и освоения первой были обусловлены в основном как малолюдностью России вообще (где, по существу, никогда не было нужно для колониальных предприятий избытка населения), так и тем, что значительная часть подвижного русского населения постепенно отвлекалась еще и на другие направления колонизации — например, в более благоприятные для земледелия южнорусские степи.⁴²

К тому же, следует учесть и то, что в Сибири наиболее плодородные, пригодные для хлебопашества лесостепные районы, которые могли бы стать полосой притяжения переселяющегося земледельческого населения, находились под постоянной угрозой набегов кочевников и стали обретать устойчивое русское население лишь с начала XVIII в. Это обстоятельство отражало характерное распределение числа крестьянских и разночинских дворов по сибирским городам и их сельским округам, зафиксированное переписью 1710 г.: из общего числа в 37 096 дворов 26 922 приходилось на освоенную ранее всего северную половину позднейшей Тобольской губернии — с наибольшими концентрациями вокруг Тобольска (18 135 дворов), Верхотурья (3 483), Тюмени (2 075), Тары (1 671), в то время как южная ее половина еще почти не была заселена. Оставшиеся около 10 тыс. дворов приходились на огромную территорию от Томска и Кузнецка до Иркутска и Нерчинска! Эта картина расселения начинает заметно меняться лишь позднее — к концу XVIII в. Данные ревизии 1797 г., например, показали, что в Западной Сибири в 4 южных уездах (без учета городов) — Ялуторовском, Курганском, Ишимском и Тарском — земледельческое население составило 262 152 души обоих полов, в то время как в заселенных много раньше 5 северных уездах — Тобольском, Туринском, Тюменском, Сургутском, Березовском — только 96 325 душ.⁴³

Вероятно, это склонение колонизационных потоков на юг намечается уже в XVII в. — насколько это, конечно, позволяли военная обстановка на границе и накопления агрикультурной колонизации. По крайней мере, известно, что уже в 1620-е гг. ряд городов Западной Сибири (Верхотурье, Туринск, Тюмень) обозначались в документах как «пашенные го-

роды»: они не только должны были обеспечиваться собственным хлебом, но и отправляли его в другие сибирские города и остроги. А в середине 1680-х гг. русское правительство уже имело возможность отменить накладываемую на поморские и приуральские уезды (Пермь, Устюг, Вятка, Вычегда и др.) и не очень исправно исполняемую повинность по сбору сибирских хлебных запасов и их отправке за Урал, потому что, как говорилось в царской грамоте от 4 февраля 1685 г., «ныне хлеб в Сибирских городех пашут и хлеб в Сибири родится многой».⁴⁴ В это время правительству даже приходилось пресекать вывоз хлеба из Сибири тайно проложенными путями в строгановские вотчины и города Поморья.⁴⁵ Однако этот оптимизм правительства был, по сути, обманчив, потому что снабжение Сибири хлебом к концу XVII в. продолжало держаться на пределе скудного минимума, что усугублялось часто растущей задолженностью государства по выплате хлебного жалованья служилым людям. В 1698 г. недобор государственного хлебного запаса для снабжения Сибири (размер которого колебался в это время на уровне 65–70 тыс. четвертей) составлял 30 тыс. четвертей, а в 1699 г. — 22 тыс.⁴⁶ Озабоченное этим правительство, вопреки уже наметившемуся курсу на ужесточение преследований беглого и всякого неприкрепленного элемента, вновь требует в 1699 г. от воевод призывать на «государеву пашню» «гулящих и всяких охочих вольных людей».⁴⁷

Своим ограниченным масштабом, медленным, неравномерным и прерывистым характером ранняя аграрная колонизация зауральских территорий была обязана не только дефициту людей и сдерживавшим ее на юге геополитическим преградам, но и самой правительственной политике заселения и освоения восточных окраин, которая была весьма противоречивой и непоследовательной. Подчиняя освоение Сибири почти исключительно эксплуатации ее пушных богатств, государство осознанно придерживалось, насколько можно судить по документам, своего рода минималистской политики, пытаясь завладеть этими богатствами малыми силами. Этому была подчинена не только система фискальной эксплуатации инородцев, требовавшая от

⁴⁴ АИ. Т. 5. С. 199.

⁴⁵ См.: Там же. С. 182.

⁴⁶ См.: Бахрушин С. В. Указ. соч. С. 58.

⁴⁷ ПСЗ. СПб., 1830. Собр. 1-е. Т. 3. С. 548.

⁴² См.: Бущинский П. Н. Указ. соч. С. 216.

⁴³ Подсчитано по: Гагемейстер Ю. А. Указ. соч. С. 56–58.

немногочисленного служилого контингента, по существу, лишь налаженного военно-административного контроля за сбором ясака, но и вообще крайне осторожная политика в части привлечения земледельческого колониционного элемента. Разрываясь между необходимостью обеспечить людьми широко понимаемую «инфраструктуру» извлечения пушного «прихода» и стремлением не содержать в Сибири лишних ртов, государство с самого начала довольно жестко регулировало колониционный приток населения на восточные окраины, предпочитая дозировать посылку людей за Урал двумя известными способами — «по указу» и «по прибору» (или «вызову»). При этом, несмотря на ряд льгот переселенцам (освобождение от податей на три года, выплату подорожных и подъемных денег, ссуды), практика «прибора» пашенных людей «в Сибирь на житье», как можно судить по общей тенденции переселенческой политики, не дала желаемого результата.⁴⁸ Это объясняется тем, что в данном случае, по существу, с обеих сторон — и со стороны крепкого сельского хозяина, и со стороны государства, терявшего на месте выхода здоровую тяглую единицу, — отсутствовала настоящая заинте-

ресованность в переселении. Вследствие этого колониционная политика правительства постепенно сбивалась на паллиативные формы, в которых причудливо смешивались принудительная «ссылка на пашню» и попытки производительного использования уже находившегося в Сибири беглого элемента. К концу XVII в. в русле перехода к построению «регулярного» государства и усилению борьбы против всякого «несистемного», бродячего, неприкрепленного элемента правительственная политика еще более определенно переходит к ссылке как главному методу колонизации восточных окраин, о чем можно судить по все чаще появляющимся в это время узаконениям о замене смертной казни преступникам ссылкой в Сибирь.⁴⁹

В неспособности русского правительства развернуть в XVII в. устойчивый и динамичный процесс аграрной колонизации восточных окраин следует видеть комбинированный результат действия объективных (демографических и геополитических) ограничителей, узости ресурсных приоритетов, определявших стратегию освоения, и той общей закрепостительной тенденции в политике, которая сковывала потенциал вольно-народной колонизации.

Konstantin I. Zubkov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: zubkov.konstantin@gmail.com

EARLY COLONIZATION OF THE EASTERN REGIONS OF RUSSIA: POLITICAL ECONOMIC ASPECT

The article gives a political and economic analysis of the peculiarities of the agrarian colonization of Russia's eastern regions in the late 16th – early 18th centuries, when fur-trade was economic dominant of the state strategy for the development of the Urals and Siberia. The starting conceptual premise of the analysis is S. V. Bakhrushin's concept, which singles out resource-functional priorities in a single process of developing Russia's eastern regions that at certain stages formed the main strategic line of colonization. The auxiliary role of agrarian colonization in this strategy does not, however, change the fact that in the early stages of the development of the eastern regions it was agrarian, peasant colonization that maximally contributed to their strong settlement and creation of a broad foundation for self-sufficient and organic economic development. The article argues that peasant colonization constituted the most promising component of the colonization process and had during the 17th century the strongest demographic and geopolitical constraints, which caused a general lack of human resources, insufficient stability of agricultural production and manifested in the difficulties of transition of the state's eastern outskirts to self-reliance in grain. Another factor leading to a slow, discontinuous, focal process of settling and developing the Urals and Siberia was a controversial and inconsistent government policy, which, based on its target priorities, implemented so-called minimalist approach and switched gradually to forced methods of colonization. These features make it possible to speak of the Urals and Siberia's early colonization as a special institutional and economic model of frontier development.

⁴⁸ См.: Колонизация Сибири... С. 17.

⁴⁹ См., напр.: ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 3. С. 112, 113, 218, 219.

Keywords: *development, frontier, Russia, Urals, Siberia, agricultural colonization, fur-trade, "arable peasants", state grain stock*

REFERENCES

- Anderson P. *Rodoslovnaya absolutistskogo gosudarstva* [Lineages of the absolutist state]. Moscow: ID "Territoriya budushchego" Publ., 2010. (in Russ.).
- Bakhrushin S. V. [Historical essay of the settlement of Siberia until the half of the 19th century]. *Ocherki po istorii kolonizatsii Severa i Sibiri* [Essays on the history of the colonization of the North and Siberia]. Petrograd: Red.-izd. Komitet Narodnogo Komissariata Zemledeliya Publ., 1922, iss. 2, pp. 18–79. (in Russ.).
- Chistov K. V. *Russkiye narodnyye sotsial'no-utopicheskiye legendy XVII–XIX vv.* [Russian folk social utopian legends of the 17th–19th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1967. (in Russ.).
- Klyuchevsky V. O. *Sochineniya: v 9-ti t.* [Works: in 9 vols]. Moscow: Mysl' Publ., 1987, vol. 1. The course of Russian history, part 1. (in Russ.).
- Kopylov A. N. [The sovereign arable peasants of the Yenisei district in the 17th century]. *Sibir' XVII–XVIII vv.* [Siberia of the 17th–18th centuries]. Novosibirsk: SO AN SSSR Publ., 1962, pp. 30–60. (in Russ.).
- Lyubavsky M. K. *Obzor istorii russkoy kolonizatsii s drevneyshikh vremen i do XX veka* [Overview of the history of Russian colonization from ancient times to the 20th century]. Moscow: MGU Publ., 1996. (in Russ.).
- Moskoviya i Evropa* [Moskoviya and Europe]. Moscow: Fond Sergeya Dubova Publ., 2000. (in Russ.).
- Platonov S. F. *Ivan Groznyy* [Ivan the Terrible]. Petrograd: Brokgauz-Efron Publ., 1923. (in Russ.).
- Pogrebinskaya V. A. [Parallel Economics in the Works of Russian scientists and economists]. *Istoriko-ekonomicheskii al'manakh* [Historical and Economic Almanac]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 2004, iss. 1, pp. 221–247. (in Russ.).
- Preobrazhensky A. A. *Ural i Zapadnaya Sibir' v kontse XVI — nachale XVIII v.* [The Urals and Western Siberia in the late 16th — early 18th century]. Moscow: Nauka Publ., 1972. (in Russ.).
- Shcheglov I. V. *Khronologicheskii perechen' vazhneyshikh dat iz istorii Sibiri: 1032–1882 gg.* [Chronological list of the most important dates from the history of Siberia: 1032–1882]. Surgut: "Severnyy dom" Publ., 1993. (in Russ.).
- Shunkov V. I. *Ocherki po istorii kolonizatsii Sibiri v XVII — nachale XVIII vekov* [Essays on the history of the colonization of Siberia in the 17th — early 18th centuries]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1946. (in Russ.).
- Shunkov V. I. *Ocherki po istorii zemledeliya Sibiri. (XVII vek)* [Essays on the history of agriculture in Siberia. (17th century)]. Moscow: AN SSSR Publ., 1956. (in Russ.).